

УДК 821.161.1

**ТРАВЕСТИЙНЫЙ ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 40-Х ГГ. XIX В.
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ И. П. МЯТЛЕВА «СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГОСПОЖИ
КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ»)**

Сергей С. Жданов^{a, @, ID}

^a Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, 10

@fstud2008@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

Поступила в редакцию 09.04.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова:

И. П. Мятлев,
Н. М. Карамзин,
Германия, немцы,
имагология, художе-
ственное пространство,
макароническая поэзия,
русская литература XIX в.

Аннотация: В статье исследуется образ пространства Германии в поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», представляющей собой образец макаронической поэзии. Следует отметить, что данное произведение еще не нашло достаточного отражения в литературоведении, представляя собой при этом достаточно важную веху в трансформации образа Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. В рамках данной статьи рассматриваются исторический и бытовой аспекты этого образа. Первый из них объединяет в себе различные локусы немецкого прошлого, связанные с событиями и Средних веков, и недавнего на момент написания поэмы времени. Это могут быть образы как целых городов и даже союзов городов (Ганза), так и отдельных урбанистических пространств, прежде всего церквей. Нередко данные пространства связываются с историческими личностями (Карл Великий, Наполеон). Бытовое «измерение» представлено вещным миром, миром денег и товаров как характерного атрибута немецкой (западной) цивилизации. Это может приводить к метонимическому слиянию образов города и товара (Гамбург). Кроме того, бытовое начало актуализируется через образы героев-филистеров, образующих «ядро» описания немецких персонажей.

Для цитирования: Жданов С. С. Травестийный образ Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. (на материале поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 166–176. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-166-176>.

Отношения России и Запада являются перманентно «актуализируемым» предметом как бурных общественных дискуссий, так и научного рассмотрения в отечественной гуманитаристике. Свой вклад в изучение данного вопроса вносит и российская имагология, занимающаяся образами Чужого в культуре. В рамках этого исследования речь идет об образе Германии как варианта Чужого в русской литературе. Следует отметить, что представленная немецкость хотя и рассматривалась неоднократно (примерами могут служить работы О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича [1], С. В. Оболенской [2], Г. А. Тиме [3], Е. В. Папиловой [4], М. Мюнтгес [5] и многих других), но еще не нашла достаточного научного отражения ввиду обширности заявленной темы, которая, в свою очередь, обусловлена масштабностью и многообразием культурных контактов между Россией и Германией. Не пытаясь объять необъятное, мы сосредоточим свое внимание в данной работе на поэме И. П. Мятлева «Сен-

сации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (далее – «Сенсации...»).

Выбор произведения в качестве материала анализа немецких образов обусловлен двумя факторами. Во-первых, поэма И. П. Мятлева, и соответственно немецкие образы в ней, изучены в гораздо меньшей степени, чем сочинения авторов «первого» ряда русской литературы (например, немецкая тема в творчестве Ф. М. Достоевского [6; 7] или И. С. Тургенева [8–10]). Во-вторых, мятлевское произведение представляет собой важную веху в формировании русского образа Германии. Будучи созданной в начале 40-х гг. XIX в., поэма отражает важный сдвиг в восприятии немецкости в отечественной культуре – от возвышенно-романтического к бытовому образу, порой предстающему в сниженно-филистерской форме. Таким образом, в эту эпоху «все грани культуры предшествующего периода подверглись своеобразной ревизии и прозаическое, бытописательное, говорное начало вышло на первый план, потеснив высокую литературу

романтизма» [1, S. 114–115] и актуализировав пародийные элементы начала в русской словесности, которые одновременно и ссылались на романтическую традицию, и трансформировали ее. В аспекте темы данного исследования пародия становится «средством фамильяризации межнациональных контактов», порождающим травестию образа Германии, в том числе за счет экспансии смехового начала в «ранее изолированные» от него жанры литературного путешествия, а также документальных очерков о Западной Европе [1, S. 115].

Что касается исследованности самой поэмы И. П. Мятлева, то в основном авторы научных работ делают акцент на образе главной героини-нарратора. Так, О. Н. Складаров отмечает в мятлевском тексте «наличие специфического образа нарративного субъекта с присущей ему неповторимой речевой манерой», представляющей собой «причудливую смесь глуповатой самоуверенности, претензии на глубокомыслие, варварской витиеватости и своеобразного комического простодушия» [11, с. 89]. В. В. Орехов рассматривает сентенции госпожи Курдюковой как спародированный «результат «этнографических штудий» на уровне провинциального, обывательского сознания» [12, с. 205]. А. С. Суворин в предисловии к изданию поэмы И. П. Мятлева в 1904 г. расширяет эту трактовку, считая образ Курдюковой отражением «характернейших особенностей своего времени – Николаевской эпохи»: мировоззрения не только «захолустного тамбовского бомонда», но и «официальной и чиновной России, которая как раз в эту эпоху выработала основные положения официальной народности» [13, с. XXI]. Поэтому в качестве «настоящей темы произведения» критик видит «не смешное положение Курдюковой за границей, а противопоставление России Западу» [13, с. XXIII]. Эта позиция А. С. Суворина представляется нам полемической: отношение к Западу, и в частности к Германии, у героини амбивалентно. Если в письмах из заграницы Д. И. Фонвизина действительно преобладает критика западного начала, то в путешествии госпожи Курдюковой связь в рамках оппозиции «Свое – Чужое» динамическая: векторы отталкивания от Чужого и притяжения к нему определяют «траекторию» оценок героини. Кроме того, нельзя забывать, что образ героини является литературной маской, из-за которой проступает лицо иного рассказчика, в большей степени тождественного автору. В эпоху разделения общества на противостоящие друг другу группы (сторонники и противники уваровской доктрины, «противопоставившей Россию «разлагающемуся Западу»; славянофилы – западники) И. П. Мятлев, как отмечает Ю. В. Шагин, занимает «позицию иронически отстраненного наблюдателя», определяющую «саркастический дискурс травелога» и «его травестийный фон» [14, с. 262]. В результате «позиция

свой – чужой травестируется у Мятлева» как «ироническим описанием Европы», так и «подчеркиваемым официальным патриотизмом Курдюковой» [14, с. 267]. В целом можно говорить о своего рода раздвоении образа Германии, порождаемом наложением взгляда самого автора и его литературной маски, вследствие чего возникает эффект «второй пары глаз», «которыми поэт смотрит на традиционно сконструированный образ западноевропейской цивилизации» [1, S. 117]. Наконец, следует добавить, что собственно образ Германии в поэме И. П. Мятлева рассматривается лишь в вышеуказанной работе О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича, в которой указываются общие черты трансформации данного образа. Наше же исследование представляет собой своего рода продолжение данной работы с более детальным анализом компонентов немецкости в мятлевском произведении.

Образ Германии организован И. П. Мятлевым пространственно, посредством изображения отдельных маркированных немецкостью локусов, являющихся одновременно частями первого тома травелога: «Любек», «Гамбург», «Дилижанс», «Бремен», «Оснабрюк и Мюнстер», «Колонь», «Рейн», «Франкфурт», «Мангейм», «Бад-Баден», «Шварцвальд». Но впервые с немцами на страницах «Сенсацій...» мы сталкиваемся в самом начале текста. Скорее всего, именно немецкие доктора отправляют Курдюкову в Германию: «Мне сказали доктора: «Мадам Курдюков! Пора Вам бы на воды в Германию» [15, с. 3]. На иностранное происхождение лекарей указывает форма фамилии героини в обращении (без окончания женского рода -а), на то, что это, вероятнее всего, немцы – место отдыха, воды в Германии. Сравните с ироническим пассажем по поводу немецких докторов, отправляющих пациентов на германские воды, в травелоге М. П. Погодина: «Англичане и Французы не страдают видно такими болезнями, от которых лечат воды, или лучше сказать, не имеют Немецких Докторов, которые посылали бы их на немецкие воды» [16, с. 73]. Также в начале путешествия Курдюковой закладывается линия противостояния немецкого и русского в сценах на пароходе. Его капитаном является «копченый» немец, который не знает французского языка, поэтому игнорирует жалобы не знающей немецкого («лалеман») героини, что ее лишили обеда: «Говорю: «Мон капитен...» Он в ответ мне: «нихт ферштейн!» [15, с. 7]. Кстати, сопряжение немецкого и русского пространств в локусе парохода происходит и в том же тексте М. П. Погодина, который, путешествуя на немецком корабле по Рейну, мечтает, чтобы в России «завелись пароходы хоть по Волге!» [16, с. 46]. Позднее, в 60-е гг. XIX в., этот сюжет будет сагирически обыгран в стихотворении Н. А. Добролюбова «Славянские думы». В нем дотошный немец-капитан парохода, постоянно промеряющий мели на Волге, тем

не менее сажает судно на мель и вынужден ждать, покоряясь русской природной стихийности и лени русских кочегаров: «Где ж справиться немцу с красою рек русских! <...> Немец у нас капитан, но русские все кочегары» [17, с. 367]. В поэме И. П. Мятлева уже дотошность немецкого капитана становится причиной задержки русской героини в порту: «Там с паспортом что-то возится над портом аккуратный капитан: хочет знать, *пуркуа, коман* отправляемся в дорогу» [15, с. 8].

Кроме того, следует отметить, что в сцене отплытия и плавания И. П. Мятлев трагически обыгрывает не столько даже романтическую, сколько более раннюю, сентименталистскую, традицию, заложенную в русских травелогах «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина («Письма...»). Собственно говоря, первоначальный маршрут героя последнего сочинения также должен был быть подобен курдюковскому. Лишь в силу обстоятельств русский путешественник вынужден был предпочесть морскому пути наземный. К 40-м гг. XIX в. та аффектированная печаль, которую описывал герой Н. М. Карамзина при расставании с Родиной, становится литературным общим местом. Сравните со сходной сценой отплытия из России в тексте Н. А. Корсакова с прямой отсылкой к карамзинскому тексту: «Видя возвращающихся, мне так грустно стало, что выкатилось несколько слез, – и это тогда, когда выполнялось мое нетерпеливое желание. Н. М. Карамзин правду сказал: «о сердце! Кто знает, чего ты хочешь» [18, с. 12]. В мятлевском тексте этот штамп пародируется в сцене, когда отплывающая Курдюкова, «пригорюнясь об отчизне», вспоминает свою жизнь в России [15, с. 12]. Позднее авторы «Свистка», который в том числе стал продолжателем мятлевской сатирической традиции, сходным образом описывают отъезд русского барина в Германию: «Я сел на пароход и уронил за борт горячую слезу, невольный дар отчизне» [19, с. 141]. Еще одним «карамзинским» *locus communis* при описании путешествия морем в Германию является остров Борнгольм. Проезжая мимо него, путешественники 40-х гг. неизменно поминают Н. М. Карамзина и его роман: «Остров Борнгольм! Кто не знает? Русский всякий тут вздыхает, потому что Карамзин сочинил роман один» [15, с. 14]. Сравните у Н. А. Корсакова: «представился взорам нашим и остров Борнгольм, известный несчастьем Саффы, столь красноречиво описанным Н. М. Карамзиным» [18, с. 13]. В более развернутом виде «борнгольмский» текст представлен у Н. И. Греча: «Очаровательная сила истинного таланта! Тридцать страниц, написанных за двадцать четыре года пред сим, сделали этот остров любезным и важным всякому Русскому. Датчане не могут надивиться любопытству, с каким Русские... смотрят на Борнгольм, занимающий в числе островов Дании одно из последних мест» [20, с. 286]. Таким

образом, упоминание Борнгольма в пародийном контексте мятлевской поэмы есть не просто дань традиции, но скрытое пародирование гипертрофированной русскости Курдюковой. Своеобразную аллюзию на карамзинские «Письма...» можно увидеть и в первых впечатлениях героини о собственно немецкой земле, где чужестранные объекты представляют такие банальные объекты, как немецкие трава и коровы: «уж берег Травемюнда... Я в немецкой стороне! Для меня все вещи новы: и немецкие коровы, и немецкая трава! Закружилась голова; вне себя от восхищенья... все предмет мне удивленья!» [15, с. 15–16]. Сравните с описанием рассказчика своих ощущений от попадания в иное, немецкое, пространство: «Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал... радость... открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен! Вот первый иностранный город, думал я – и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового» [21, с. 10–11]. Сходный мотив ощущения перехода границы встречается у Н. А. Корсакова: «увидел я издали Немецкую деревушку; с белыми домиками и красными черепичными крышами. Долго не быв в чужих краях <...> Я почувствовал хотя не веселость, но какую-то приятность» [18, с. 13]. В целом трагедийную подражательность рассказа Курдюковой высокому стилю, в частности карамзинскому, отмечает и А. С. Суворин, подчеркивая, что «карамзинский сентиментализм» лишь «привил сентиментальные манеры», но «не смягчил сердца, не утончил души» [13, с. XVIII] русских людей, подобных мятлевской героине. В результате мы имеем дело с сатирическим несоответствием внешней формы содержания высказывания, с «гипертрофией «формы» как чего-то внешнего и самодовлеющего» [11, с. 90].

В образе Германии, представленном в «Сенсациях...», можно выделить несколько аспектов. Один из них – это Германия историческая. Так, упоминается ганзейское прошлое Любека и Бремена, который назван «*ла капитал*» [15, с. 59], т. е. столицей Ганзы. По этому принципу Любек и Бремен образуют пространственную пару в повествовании («с Любеком он может парой в памяти моей стоять» [15, с. 56]), объединенную мотивами торговли и древности: в Любеке путешественница отмечает, что «всюду старина святая» [15, с. 21]; Бремен же характеризуется как «город старый» [15, с. 56]. Впрочем о самом торговом союзе Курдюкова приводит весьма общие сведения: «Всем тогда была гроза знаменитая Ганза» [15, с. 19]. Ее больше интересуют архитектурные объекты прошлого, например, зала, «где ганзейцы собирались», а также погребя, «где упивались их могущества вином

и в раздолии хмельном все дела распоряжали и торговлей управляли» [15, с. 59]. Собственно, вино занимает героиню (в соответствии с сатирической логикой снижения высокого до уровня телесного) в гораздо большей степени, чем немецкая история, и данный образ раскрывается на протяжении множества строк. В то же время вино выступает наиболее доступным для недалекой героини способом приобщения к германской истории: «В погребках сохранено времени того вино и за деньги продается в пользу думы; подается в кабинетах, на столах, в тех же самых погребках» [15, с. 59–60]. К подобному приему снижения И. П. Мятлев не раз прибегает в произведении. В Колони (Кельне) Курдюкова в первую очередь отмечает «воду де Жан Фарина» [15, с. 79], т. е. одеколон. Рейн же в восприятии героини прочно связан с рейнвейном. Даже путешествие во Франкфурт имеет «глуттоническую» (гастрономическую) мотивировку: «любопытно мне взглянуть на германскую диету» [15, с. 111].

Еще одну историко-урбанистическую пару в «Сенсациях...» образуют Оснабрюк и Мюнстер. Это объединение трагически обыгрывается в образе дорожного тюка: «я Мюнстер, Оснабрюк уложила в тот же тюк» [15, с. 70]. В связи с этими локусами достаточно подробно излагается история заключения вестфальского мира как ключевого договора, определившего характер современной путешественнице Германии: «трактатом сим Германья положила основанья всех своих владений, прав, политический устав» [15, с. 70]. Впрочем, и здесь историческое и глуттоническое оказываются смешаны: «В Мюнстере мне показали, что послы употребляли, заключая славный мир» [15, с. 72].

Дворец в Мангейме дается как воплощение истории, но уже сравнительно недавней – эпохи Наполеона. Сначала дворец разрушается («разорен почти в конец и заброшен, и оставлен»), но потом создается заново уже под покровительством французского императора: «потом он переправлен, чтоб исполнить новый план *Ле Наполеон ле Гран*. Из всех *ди камареден* выбран им *гран дюк де Баден* быть швейцаром *де ла Франс*» [15, с. 144], т. е. Мангейм становится воротами в Германию. С падением же Бонапарта локус приходит в запустение: в недостроенном дворце «принцесса Стефани век свой скромно доживает» [15, с. 145].

Кроме того, в тексте «Сенсаций...» упоминаются в связи с немецким пространством Рубенс (в Кельне «Кирку посетили мы, где Рубенса крестили» [15, с. 85]; «мне Рубенса квартиру показал мой проводник» [15, с. 86]), а также Гуттенберг в локусе Майнца, названном «колыбелью де ла сиянс» (наук): «титул тем ему пристойный, что здесь Гуттенберг покойный изобрел эмпримери» [15, с. 109]. Вообще образы Майнца и Гуттенберга неразрывно связаны в отечественных травелогах. Хотя русский

путешественник Н. М. Карамзина и не посещает Майнц, в сноске о докторе Фаусте Гуттенберг маркируется как «майнский уроженец» [21, с. 17]. Посещая Майнц, М. П. Погодин осматривает «дом Гуттенбергов, и место, где предполагалось поставить ему памятник» [16, с. 47]. Но сама Курдюкова далеко не в восторге от Гуттенберга, являясь противницей просвещения: «Каково его открыть! Что за страшное развитие и познаний, и идей!» [15, с. 109]. Вспомним замечание о курдюковском восприятии Карамзина у А. С. Суворина: заимствуются отдельные поверхностные формы, но суть просвещения героине отнюдь не близка. Закономерно, что в описании «маленького и тесного» Бонна помещены рядом образы «университета известного» и «сумасшедшего дома»: «По мне, наука преопаснейшая штука! Забрешь в ее пути – мудрено ль с ума сойти?» [15, с. 94]. Также образ изобретателя барона Дрейса в характеристике Курдюковой напоминает типажный образ немца-ученого, занятого какими-то фантастическими прожеками, в данном случае – внедрением пушечной почты: «Стоит только посадить человека в пушку эту, и сейчас по белу свету понесет канонен-пост» [15, с. 142].

Еще одной исторической личностью, с которой связывается пространство Германии, является Карл Великий, или «ле Шарлемань», как на французский манер называет его Курдюкова. В Оснабрюке она осматривает «в кирке» «игрушки, чем *ле Шарлемань* играл»: «рубленный кристалл», «Шарлеманеву корону», гребень для бороды, дубину [15, с. 74]. Плывя по Рейну, путешественница упоминает «башни Гильдесгейм, где *ле Шарлемань* родился, умер, жил или женился» [15, с. 108]. Историчность места здесь снижается этой неясностью, мотивированной отсутствием сведений в гиде для туристов. Наконец, образ Карла встречается в описании витражей кельнского собора, где среди прочего изображен средневековый сюжет: «*ле Шарлемань* велик на великолепном троне, в мантии, в латах и короне, он и важен, и пригож; а вокруг гербы вельмож... и принцессы, девы, крали» [15, с. 82].

Старинные дома, и прежде всего церкви, – весьма часто упоминаемые локусы в мятлевском травелогге. Например, в качестве особенности облика Любека отмечено, что «в нем все кирки, не дома» [15, с. 20], «всюду старина святая» [15, с. 21]. Более двадцати строк посвящено описанию любекской кафедральной церкви, привлекавшей внимание Курдюковой своими часами с движущимися фигурками, а также изображениями пляски смерти («ле проказы де ла Мор» [15, с. 22]) кисти Голбейна. Церкви выступают анахроничными локусами, где время (Средневековье) консервируется. Кирка в Оснабрюке и кельнский собор хранят воспоминания о Карле Великом. В кирке Мюнстера Курдюкова описывает три железные клетки, в которых,

как ей сообщают, были «сжарены гуситы», которые, что демонстрирует степень исторических знаний героини, названы «езуитами» «тех времен» [15, с. 75]. В Гамбурге упоминается «важная, большая» кирка «*Сен-Мишель*» [15, с. 37] со «знатной» башней «в триста саженей» [15, с. 38]. Подробно описывается кельнский собор, «кирка древних лет: стены все как *петинет* или кружево в узорах» [15, с. 80]; ее «большой орган и хоры», витражи («окна – *манифик!* Точно *ла латерн мажик*; все расписаны чудесно! Как в огне горят, прелестно!» [15, с. 81]) и дорогое убранство реликвий и даров («жемчуг, алмазы, изумруды и топазы, что в экране или в раке сделаны <...> кучу редкостей, корон, *дез эле* и *де батон*. Все в алмазах, в филигрании» [15, с. 83]). Особо отмечается незавершенность здания, на которое «надстроили кое-как» «простой колапак» крыши, создающей контраст между величественным прошлым и смешной современностью: «Как разительно различье! Здесь всей древности величье, – тут *ла поврете нувель*» [15, с. 80]. Однако если у В. Н. Зиновьева похожий сюжет, связанный с нелепой крышей колокольни дрезденской Фрауэнкирхе, оказывается поводом для исторического анекдота о скупости совета, не заплатившего архитектору («архитектор <...> с досады план разорвал... так, принуждены были ... колокольню приделать, которая так скверна, что, при таком хорошем строении, более смех, нежели украшение делает» [22, с. 339]), то И. П. Мятлев идет дальше, травестийно уподобляя недостроенный собор Вавилонской башне, заодно обыгрывая пограничный характер локуса Кельна между Францией и Германией путем объединения мотива библейского смешения языков и европейского смешения стран в ходе похода Наполеона: «как в башне *де Бабаель* было языков смешенье, разных случаев стеченье, революция, – Бонапарт сделал в ней свой кордегард и конюшню для лошадок» [15, с. 80–81]. Наконец, во Фрейберге Курдюкова описывает кирку «древних лет»: «преклассический *готик*. Стены, башни, как сквозные, разграненные, резные, острых множество шпилей <...> окна, точно как картины, яркий и блестящий цвет!» [15, с. 173].

Встречаются травестийные образы и церковного пространства. Так, в связи с описанием одной кирки в Бремене трансформируется мотив нетленных мощей: «кто в ней похоронен, тот не тлеет... обращен просто в кожу барабана, иль в пергамент для фирмана» [15, с. 65]. Таким образом, сакральное (а также родовое, связанное с предками начало) переходит в разряд профанного, становится утилитарным: «на спине *дюнь гранд-маман* бремени стучит тревогу иль готовит дом к залогу, при свидетельстве попа, на брюшке *ден гран-папа*» [15, с. 65]. В этом эпизоде проявляется, наряду с мотивом практичности немцев, скепсис

Просвещения. Аналогично выстроен образ голов царей-волхвов, подаренных церкви Людовиком IX и выставленных «в золотом большом экране» [15, с. 82] в чулане кельнского собора; подлинность сакрального ставится под сомнение замечанием о том, что неизвестно, где и как король достал их. Сравните с данным Д. И. Фонвизиним ироническим описанием моделей «святых вещей» в нюрнбергском замке (подлинники показывают только коронованным особам): «Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве» [23, с. 513]. Еще резче этот мотив десакрализации выражен в «Письмах...» Н. М. Карамзина, когда, прибыв в Майнц, русский путешественник, вопреки совету лонлакея, отказывается осматривать «кишки С. Бонифация»: «хотя Св. Бонифаций был добрый человек и обратил в Христианство Баварцев, однакожь кишки его не имеют для меня никакой прелести» [21, с. 91]. Травестия священного сюжета также реализуется в описании другой, «пресмешной» [15, с. 83], кельнской кирки, с которой связано предание о святой Урсуле и 11000 девах, мученически погибших от рук язычников. В сниженном пересказе Курдюковой гунны превращаются в варваров-германцев («гот, вандал или норманец» [15, с. 84]), а отказ выходить замуж за язычников оценивается как непонятная причуда. Священное трансформируется через призму житейского опыта героини, уверенной, что жена всегда может управлять мужем, т. е. происходит смена ролей: «примеры есть такие, что женой так направлен муж иной, что всему готов поверить <...> Готы также б покорились, все б наверно окрестились, новых было бы *онз миль* православных *дан ла-виль*» [15, с. 84].

Другим «слоем» образа Германии в поэме выступает немецкий быт. Едва попав в Германию, в Любек, Курдюкова дает «портретное описание типичных немцев. Женщины в платьях с коротким рукавом, в фартуках и корсетах, в платках и с корзинками «все порядки соблюдают прежних лет» [15, с. 22]. У каждого немца трубка («*ла туп*»), трость, «фрак предлинный», чулки («*кюлот*»), букли – одежда маркирована характеристикой старины («костюм старинный») [15, с. 22]. Перед нами предстает образ патриархального филистера – тот, что А. В. Жуковская, Н. Н. Мазур и А. М. Песков обозначили как типаж доброго немца, чьими атрибутами выступают «трубка и пиво» [24, с. 41]. При этом все же нельзя утверждать, что именно И. П. Мятлев был первым, кто «наряду с высокой духовной культурой Германии увидел и описал русским читателям бытовые проявления этой культуры» [1, с. 123]. Образ немецкого бытового пространства начинает складываться еще в конце XVIII в. Атрибуты типажного немца упоминаются в письмах Д. И. Фонвизина: «Все немецкие гульбища одинаковы... сидит

компания и прохладяются пивом и табаком» [23, с. 15]. Курящих трубки и пьющих пиво немцев неоднократно упоминает и русский путешественник Карамзина, например: «Карриатура за карриатурою приходила в трактир, и всякая карриатура требовала пива и трубки» [21, с. 25]. Сходную с фонвизинской картину рисует и Ф. П. Лубяновский: «все на гуляньях. Там вечно густое облако дыму от трубок, а пиво душа всех удовольствий» [25, с. 19]. В «Сенсациях...» пиво подается как типично немецкий глоттоним: «Кушать мясо с черносливом, запивать все это пивом, – тотчас будет *ла коллик*. Немец к этому привык» [15, с. 4]. Не раз упоминается и трубка: «постильон... трубку вяло набивает» [15, с. 26]; «Трубок дым, попойка» [15, с. 39].

Немцы, если речь не идет о высшем свете, изображаются в «Сенсациях...» как филистеры. Даже если они выглядят, по мнению Курдюковой, как «веритабль кавалье», на самом деле это «кучера, ткачи, маркеры» [15, с. 22]. Здесь же встречается обыгранный и в фонвизинской пьесе «Недоросль» мотив: «Всех их, право, в гувернеры мы забрали б в старину!» [15, с. 22–23]. В Гамбурге Курдюкова, явившись на даваемый в вокзале бал, попадает, «как кур во щи», в филистерский локус, где собрался «ужасный сброд», «все ремесленный народ» с сомнительными дамами («*де дам комиль не фо па*» [15, с. 39]). Развлечения также отличаются от аристократического салона: «Трубок дым, попойка, крик и прескверная *мюзик!*» [15, с. 39]. Более того, Курдюкову принимают за одну из проституток: «меня хватает *эн мусье* и вдруг сажает на колени как мамзель» [15, с. 39]. Эту маргинальную сторону Гамбурга как портового локуса отмечает и Н. А. Корсаков: «там танцуют под музыку... Английские, Голландские и пр. наций, матросы с дамами свободного обращения, разряженными, как говорится, в пух» [18, с. 20]. С филистерами Курдюкова вынужденно сталкивается в дилижансе: с ней едут «пивовар с ужасным задом, тут толстяк, а тут скелет» [15, с. 54]. В их портретном описании присутствует гипертрофированная телесность. Хотя немцы не курят, «слишком уважая дам», в остальном их манеры далеки от совершенства: пивовар «дохнул пренеучтиво», а толстяк «захрапел, как будто боров» [15, с. 54]. Кроме того, во время плавания по Рейну Курдюкова упоминает студентов, ограничившись внешним комическим описанием: «волоса их отличают, как у наших мужиков, и покров их сюртуков вроде курток, а фуражки – полоскательные чашки, <...> крошечные» [15, с. 92–93]. Для путешественницы они все на одно лицо: «мудрено их перечесать» [15, с. 92], фуражки «на один манер» [15, с. 93].

К устойчивым образам, повторяющимся в травелогах о Германии на протяжении полувека, относится образ набираемых из бюргеров военных. Карамзинского русского путешественника, аристократа, забавляет стража у ворот Тильзита, «где стояли на карауле не солдаты, а граждане», а особенно «толстой часовой, у которого под брюхом моталась маленькая шпажонка» [21, с. 16]. Ирония ощущается и в описании парада в Берлине: «Все граждане стояли в ружье, и никакая сорочья стая не может так пестриться, как пестрился этот фронт <...> Купцы, все в красных кафтанах, под начальством одного банкира, выезжали встречать Штатгальтершу за город» [21, с. 40]. Аналогично в Гамбурге Курдюкова описывает местную «*гард насьональ*» [15, с. 31], в которой «солдаты все из лавок набраны, а комендант их сигарный фабрикант» [15, с. 32], а во Франкфурте узнает в «*солда*» и «*милитер*» [15, с. 123] бюргеров: мосье Брюля, мосье Креде, знакомого банкира [15, с. 124]. Путешественница, как и карамзинский герой, подмечает театральность парадов бюргеров-военных, их ряженный, ненастоящий характер: «Нужны ль трубы, барабаны?» [15, с. 33]. Также во Франкфурте разбудившие Курдюкову «шум, тревога, барабан» оказывается парадом [15, с. 123] в честь освобождения города, когда почтенные филистеры играют в бравых военных: «Подъезжает офицер. Что-то крикнул по-немецки, и в минуту молодецки стали *ле месье маршан* строится ан режиман и пошли по-дивизьонно, чинно, браво, церемонно» [15, с. 124–125]. Гамбург силен не военными, а купцами: «Не драбанты, а kaufmannы славу здесь должны стяжать, и не саблей обожать» [15, с. 33]. Подчеркивается мирный характер локуса: на месте «*фортересов*», бастионов и палисада разбит «прекрасный сад – все дорожки, все боскеты, клумбы, лавочки, генгеты, где, с утра затея пир, немцы прославляют мир» [15, с. 32–33]. То же самое отмечается относительно Франкфурта: «Прежние *ле бастион* срыл *мусье* Наполеон. Франкфуртцы, народ учтивый, сад тут сделали красивый» [15, с. 131]. Соответственно, в купеческих городах теряется необходимость в воинских свойствах: «Не ко времени прюзсы», т. е. доблесть, храбрость [15, с. 32]. Карнавальная травестия парада захватывает «важнейшую и старинную» готическую площадь Ремер с «*ле пале антик*», куда ранее съезжалась высшая аристократия для выбора императора. Новое время сменяет Средневековье, как и в случае с Кельнским собором, создавая контраст времен: «Теперь нет их¹; без венца командиры – три купца просто в шляпе треугольной и с фигурой предовольной. Их доспехи: *эн фрак нуар*, *эн жабо* и *эн мушуар*, и манжеты, и манишки, и атласные штанишки, *э де букль*, *э де сулье*. И шпаженка *ан-асье*, коей, сколько можно видеть,

¹ герцогов.

даже мухи не обидеть. Уж совсем не милитер!» [15, с. 125]. Мотив парадной шпаги в «Сенсациях...» повторяет по сути вышеприведенный карамзинский образ. Более того, карнавальная травестия достигает высшей точки, когда в облике псевдвоенных-филистеров проявляются женские черты: «Они войско провожают, <...> вокруг себя вода *шапо*, как вожу... и кокетно и манерно опохалом я² моим перед щеголем иным» [15, с. 126].

Еще одним устойчивым немецким бытовым персонажем в отечественных травелогах выступает постилион. Его медлительность и лень отмечают многие путешественники: «Двадцать русских верст везет восемь часов, всеминутно останавливается, бросает карету и бежит по корчмам пить пиво, курить табак и заедать маслом. Из корчмы не вытащить его до тех пор, пока сам изволит выйти» [23, с. 502]; «Саксонские постиллионы... также жалеют своих лошадей, также любят пить в корчмах и также грубы» [21, с. 50]; у Н. А. Корсакова упоминается гамбургский фурман, «который, по обыкновению всех фурманов, проехав версты две, а много три, останавливался кормить своих тощих коней!» [18, с. 17]. Курдюкова негодует на медлительного постильона: «лошади идут шагком, а он возле них пешком. Я кричу, он в ус не дует; по-немецки мне толкует, что карета тяжела» [15, с. 26]. Кроме того, путешественница воспроизводит чуть ли не дословно недовольство Ф. Д. Карамзина необходимостью платить за будущее благоустройство дороги: «Вот шлагбаум – тут за дорогу марков пять платить... Хуже тракта нет у нас. По-немецки: «*Vas ist das?*» Рассердясь, я закричала: «*Махен зи шосей* сначала, и тогда я заплачу, а теперь *нихтс*, не хочу!» [15, с. 27]. У Д. И. Фонвизина: «Дороги часто находил немощные, но везде платил дорого за мостовую; и когда, по вытаснении меня из грязи, требовали с меня денег за мостовую, то я осмеливался спрашивать: где она? На сие отвечали мне, что его светлость владеющий государь намерен приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги» [23, с. 455].

Как видим, мотив денег, их власти то и дело возникает на страницах «Сенсацій...». Он выступает маркером «национального своеобразия», «национальной культуры... и цивилизации европейского типа, одним из символов которой была для России изначально немецкая цивилизация» [1, S. 124]. Наблюдая за парадом гамбургских купцов-военных Курдюкова задается вопросом «Для чего им эта сила?» [15, с. 32], когда их власть сосредоточена в деньгах. Далее по тексту героиня уже сама определяет суть немецкой силы: «Здесь платить все и платить – было б чем. Вся в этом сила!» [15, с. 53]. Тема денег, таким образом, является лейтмотивом «Сенсацій...»: «За *шмир-гельд*, *тринк-гельд*, барьеры,

здесь на разные манеры отдувайся кошелек» [15, с. 27]. Деньги стирают сословные границы, превращая франкфуртских купцов в аристократов: «Задают такие тоны... *ле банкиры, ле маршан*... Ты подумашь, что графы!!.. Деньгами полны их шкафы, а во Франкфурте *ла ноблес* состоит *дан лез-эспес*, т.е. благородство заключается в наличности [15, с. 119–120]. Сравните у М. П. Погодина: «Во Франкфурте первое лицо Ротшильд, которого называют королем Франкфуртским» [16, с. 50]. С другой стороны, аристократия уподобляется коммерсантам: «Принц Нассауский молодец: вина у него и воды – все текучие доходы. По причине вин и бань, каждый принцу платит дань» [15, с. 108]. Отсюда возникает гипертрофия коммерческого образа Германии, «замкнутого в узкие рамки вещного мира» [1, S. 121]. Например, Гамбург с «богатейшими *мезон*» (домами) Курдюкова характеризует как «город важный, по коммерции вальяжный», «столицу» и «царицу» «всей торговли *де Эврон*»; по сравнению с ним торговый Любек – «холоп, просто дрянь» [15, с. 31]. В результате сам локус превращается в товар: «Гамбург точно как товар» [15, с. 33]. В связи с этим актуализируется мотив кажимости пространства. Как и в случае театрализованного, «иллюзорного» парада филистеров-военных, Гамбург старается продать себя наблюдателю-клиенту, показаться с лучшей стороны: «много в нем *тур ле регар*» (для взгляда) [15, с. 33]. Новый торговый квартал передается через сравнение с товаром-вещью: «как в куске конец казовый, как на пачке *экрито*: развернешь – уже не то» [15, с. 33]. Курдюкова описывает и другую, менее приглядную сторону Гамбурга, его деловую будничную сторону: «Дальше. Что же? Закоулки, неопрятность, теснота. Магазинов красота даже там еще пленяет, но оно лишь объясняет, каковы у них ресурс» [15, с. 33–34]. «*Ла-бурс*» (биржа) Гамбурга представляет собой «дом большой» с двумя залами: наверху там с утра сидят купцы и «молчание хранят; даже тут и чхнуть не смеешь» [15, с. 34]. Центр же этой травестированной коммерческой сакральности, где «дела сплетают, курс монет определяют», внешне и вовсе непригляден: «крышею покрытый двор, как загон скота в Украине» [15, с. 34]. В эту торговую немецкую *sacrum sacrogiu* Курдюкову не пускают, поскольку она женщина и «к коммерческим делам» «не принадлежит по полу» [15, с. 35].

Травестийная сакральность биржи «во всех городах ганзейских» раскрывается далее, когда она называется «Меркурьевым амвоном», к которому, словно на ритуал, «сбегаются по звону ... негоцыанты и *коми*» ровно в половине первого [15, с. 64]. Заодно комически изображается немецкая склонность к порядку и скупость: «Опоздает кто, тот платит! Немец гроша не истратит, если может

² т. е. Курдюкова.

удержать: лучше мило пробежать» [15, с. 64]. Противоположностью последней является русская расточительность и страсть к дорогим вещам: «русским в Гамбурге беда. Все так дешево, красиво, и сидельцы так учтиво все умеют предложить, что нельзя и не купить. <...> Потранжирить, помотать, – вот что русскому под стать!» [15, с. 40–41]; «Как же тут не разориться? Русский любит заводиться и без нужды – про запас: слабость такова у нас» [15, с. 119]. Курдюкова тоже поддается приобретательскому куражу, путешествуя потом в заваленной вещами карете и жалуясь на нехватку денег: «Мигом весь уйдет оброк... Не доеду до Бад-Бада: и придется мне стоять, или денег занимать» [15, с. 28]. Сравните у Д. И. Фонвизина о реноме русских за границей: «считают меня проезжим богачом. В сем мнении везде обо мне остаются для того, что я русский. Во всей Немецкой земле ... слова *русский* и *богач* одно означают» [23, с. 514]. Также М. П. Погодин замечает, что «первая гостиница в городе», Hotel de Russie, названа, «видно в честь Русских расточителей» [16, с. 50]. Тот же Франкфурт в «Сенсациях...», образуя пару с Гамбургом на основании общего мотива власти коммерции, описывается как вещь, модный костюм: «Город Франкфурт аккуратный, как с иголки, приятный»; «щегольские» отели напоминают «дворцы большие, все в колоннах ан гранит» [15, с. 28], что подчеркивает могущество кауфманов-патрициев, сравнившихся с аристократами. Соответственно, для Курдюковой восприятие пространства городской Германии происходит не в последнюю степень через магазины и товары. Роскошь Франкфурта, «первой станции»

[15, с. 115] для русских на пути в Европу, подчеркивают витрины магазинов: «бронзы, золото, хрусталь, де холстинки э де шаль» [15, с. 119]. Мангейм же, напротив, не производит на героиню впечатления, поскольку, «хоть оне гостиный двор, но коммерция тут вздор: все бисквиты и конфеты, ленты, чепчики, корсеты», за исключением одного дорогого магазина [15, с. 142–143]. Не в восторге Курдюкова и от провинциального Мюнстера, где лишь «с сосисками есть лавки, и тесемки и булавки» [15, с. 75]. Городки же в Шварцвальде и вовсе не нравятся путешественнице: наряду с отсутствием всех прочих благ западной цивилизации, в этих даже не удостоившихся названия локусах «магазинов вовсе нет» [15, с. 173].

Итак, образ Германии в поэме И. П. Мятлева постоянно двоится. На историческую составляющую этого образа постоянно накладывается бытовая, сниженный элемент, обусловленный особенностями построения персонажа-нарратора, госпожи Курдюковой, для которой вещный мир заслоняет собой духовные богатства. В то же время именно благодаря таким особенностям нарративного «взгляда» в произведении удастся подчеркнуть филистерскую сторону немецкой жизни, которая зачастую не находила должного отражения в романтических повествованиях. Амбивалентность немецкости становится темой мятлевского произведения и не только формирует ее, но и отсылает, как показал сопоставительный анализ, к более ранней традиции отечественных травелогов, поскольку даже сентименталистский текст карамзинских «Писем русского путешественника» лишен однозначности в изображении Германии.

Литература

1. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 S.
2. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.
3. Тиме Г. А. Путешествие Москва – Берлин – Москва: Русский взгляд Другого (1919–1939). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 158 с.
4. Папилова Е. В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2014. 136 с.
5. Müntjes M. Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. Meisenheim am Glan: Anton Hain Verlag, 1971. 136 S.
6. Гиголашвили М. Немцы и немецкое в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского // Крещатик. 2000. № 9. С. 75–82.
7. Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 126–133.
8. Арустамов А. А. «Немецкое» и «русское» в творчестве И. С. Тургенева (к проблеме диалога культур) // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь: Пермский университет, 2000. С. 205–210.
9. Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.
10. Чугунов Д. А. Образы немцев и их оценка в творчестве И. С. Тургенева // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. Т. 2. С. 125–129.
11. Скляр О. Н. Об одном «неудавшемся» стихотворении Владислава Ходасевича // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 4. С. 63–93.

12. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). Симферополь: АнтикВА, 2006. 608 с.
13. Суворин А. С. Предисловие // Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 1. С. III–XXVII.
14. Шатин Ю. В. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей: дан л'этранже»: трагедия травелого // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 260–271.
15. Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904. Т. 1. 394 с.
16. Погодин М. П. Год в чужих краях (1839): в 4-х ч. Ч. 4. М.: Типография Н. Степанова, 1844. 230 с.
17. Добролюбов Н. А. Славянские думы (во время плаванья по Волге на пароходе) // Свисток. Сборник литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 367.
18. Корсаков С. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М.: Типография Н. Эрнста, 1844. 111 с.
19. Добролюбов Н. А., Некрасов Н. А. Отъезжающим за границу // Свисток. Сборник литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 140–141.
20. Греч Н. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н. Сочинения: в 3-х т. СПб.: Типография Якова Третьякова, 1855. Т. II. С. 275–495.
21. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 716 с.
22. Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 335–380.
23. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1959. 742 с.
24. Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.
25. Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3-х ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.

TRAVESTY IMAGE OF GERMANY IN THE RUSSIAN LITERATURE OF 1840S: I. P. MYATLEV'S POEM "SENSACII I ZAMECHANIYA GOSPOZHI KURDYUKOVOY ZA GRANICEYU, DANS L'ETRANGER"

Sergey S. Zhdanov^{a, @, ID}

^a Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108
[@]fstud2008@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

Received 09.04.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords: I. P. Miatlev, N. M. Karamzin, Germany, Germans, imagology, literary space, macaronic poetry, Russian literature of the XIX century.

Abstract: The paper deals with the image of Germany in I. P. Miatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger" ("Madam Kurdyukova's Sensations and Remarks Abroad, dans l'etranger") that is an example of macaronic poetry. The poem marks an important milestone in the transformation of the image of Germany in the Russian literature of the 1840s; however, it has not received proper scientific attention. The current research examines the historic and the mundane aspects of the image in question. The historic aspect combines different loci connected with the German history of the Middle Ages and the Modern Times: urban images and urban unions, like the Hanseatic League, or certain urban spaces, e.g. churches, etc. Such loci are often connected with historical characters like Charlemagne or Napoleon. The mundane aspect is represented with things, money and goods as a typical attribute of the German (Western) civilization, which leads to the metonymic unity of cities and goods produces there, the way it happens to Hamburg. Besides, the mundane element is actualized via the philistine personages, which make the core of German characters in the poem.

For citation: Zhdanov S. S. Travestiinyi obraz Germanii v russkoi literature 40-kh gg. XIX v. (na materiale poemy I. P. Miatleva «Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dan l'etranger») [Travesty Image of Germany in the Russian Literature of 1840s: I. P. Myatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 166–176. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-166-176>.

References

1. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000, 276.
2. Obolenskaya S. V. *Germaniia i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and Germans from the Russian point of view]. Moscow: IVI RAN, 2000, 210.
3. Time G. A. *Puteshestvie Moskva – Berlin – Moskva: Russkii vzgliad Drugogo (1919–1939)* [Journey Moscow – Berlin – Moscow: the view of Russian as an Other (1919–1939)]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, 158.
4. Papilova E. V. *Nemtsy glazami russkikh v khudozhestvennoi slovesnosti XIX veka* [Germans from the Russian point of view in the literature of the XIX century]. Moscow: LENAND, 2014, 136.
5. Müntjes M. *Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II*. Meisenheim am Glan: Anton Hain Verlag, 1971, 136.
6. Gigolashvili M. Nemtsy i nemetskoe v «Prestuplenii i nakazanii» F. Dostoevskogo [Germans and German in F. Dostoevsky's "Prestuplenie i nakazanie"]. *Kreshchatik = Khreshchatyk*, no. 9 (2000): 75–82.
7. Konstantinova N. V. Nemtsy i nemetskoe v rannikh proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo (na materiale povesti "Dvoynik") [Germans and German in the early works by F. M. Dostoevsky (on the basis of the story "The Double")]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological journal*, no. 4 (2014): 126–133.
8. Arustamov A. A. "Nemetskoe" i "russkoe" v tvorchestve I. S. Turgeneva (k probleme dialoga kul'tur) ["German" and "Russian" in I. S. Turgenev works (to the problem of the dialogue of cultures)]. *Mir slavianskikh, germanskikh i romanskikh kul'tur: ikh vzaimosvizi i vzaimodeistvie v iazyke i literature* [World of Slavic, German and Romanic cultures: their interrelations and intercommunion in the language and literature]. Perm: Permskii universitet, 2000, 205–210.
9. Butkova N. V. *Obraz Germanii i obrazy nemtsev v tvorchestve I. S. Turgeneva i F. M. Dostoevskogo*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Image of Germany and images of Germans in I. S. Turgenev's and F. M. Dostoevsky's works. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2001, 18.
10. Chugunov D. A. *Obrazy nemtsev i ikh otsenka v tvorchestve I. S. Turgeneva* [Images of Germans and their evaluation in I.S. Turgenev's works]. *Problema natsional'noi identichnosti v literature i gumanitarnykh naukakh XX veka* [Problem of the national identity in the literature and humanitarian sciences of the XX century]. Voronezh, vol. 2 (2000): 125–129.
11. Skliarov O. N. Ob odnom "neudavshemsia" stikhotvorenii Vladislava Khodasevicha [About one "failed" rhyme of Vladislav Khodasevich]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya = Bulletin of the Orthodox Svyato-Tikhonovskiy Humanitarian University. Series 3: Philology*, no. 4 (2007): 63–93.
12. Orekhov V. V. *Russkaia literatura i natsional'nyi imidzh (Imagologicheskii diskurs v russko-frantsuzskom literaturnom dialoge)* [Russian literature and the national image (Imagological discourse in the Russian-French literature dialogue)]. Simferopol: AntikvA, 2006, 608.
13. Suvorin A. S. Predislovie [Foreword]. *Miatlev I. P. Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger* [Sensations and remarks of m-me Kurdyukova abroad, dans l'etranger]. Saint-Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, vol. 1 (1904): III–XXVII.
14. Shatin Yu. V. "Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger": travestiia traveloga ["Sensations and remarks of madam Kurdyukova abroad, dans l'etranger": travesty of the travelogue]. *Literatura puteshestvii: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty* [Literature of travel: cultural-semiotic and discursive aspects]. Novosibirsk: Izd-vo NSPU, 2013, 260–271.
15. Miatlev I. P. *Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger* [Sensations and remarks of m-me Kurdyukova abroad, dans l'etranger]. Saint-Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, vol. 1 (1904): 394.
16. Pogodin M. P. *God v chuzhikh kraiah (1839)* [A year in foreign lands (1839)]. Moscow: Tipografiia N. Stepanova, part 4 (1844): 230.
17. Dobrolyubov N. A. *Slavianskie dumy (vo vremia plavaniia po Volge na parokhode)* [Slavic Dumas (during trip on the Volga by a steamship)]. *Svistok. Sobranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok* [Svistok. Collected literary, journalistic and other sketches]. Moscow: Nauka, 1981, 367.

18. Korsakov S. A. *Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N. A. Korsakova v 1839 godu* [Story about N. A. Korsakov's journey through Germany, Holland, England and France in 1839]. Moscow: Tipografiia N. Ernsta, 1844, 111.

19. Dobroliubov N. A., Nekrasov N. A. Ot'ezzhaiushchim za granitsu [To travelers abroad]. *Svistok. Sobranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok* [Svistok. Collected literary, journalistic and other sketches]. Moscow: Nauka, 1981, 140–141.

20. Grech N. *Poezdka vo Frantsiiu, Germaniiu i Shveitsariyu v 1817 godu* [Trip to France, Germany and Switzerland in 1817]. *Grech N. Sochineniia* [Works]. Saint-Petersburg: Tipografiia Iakova Treia, vol. II (1855): 275–495.

21. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka, 1987, 716.

22. Zinov'ev V. N. Zhurnal puteshestviia po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785) [Journal of a journey to Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. *Rossiiia i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia. Vyp. 3: Literaturnye istochniki poslednei treti XVIII veka* [Russia and the West: perspectives of mutual understanding. Iss. 3: Literary sources of the final third of the XVIII century]. Moscow: IMLI RAN, 2008, 335–380.

23. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Fonvizin D. I.]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 2 (1959): 742.

24. Zhukovskaia A. V., Mazur N. N., Peskov A. M. Nemetskie tipazhi russkoi belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.) [German characters of Russian belles letters (the last 1820s – the early 1840s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review*, no. 34 (1998): 37–54.

25. Lubianovskii F. P. *Puteshestvie po Saksonii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh* [Journey through Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802]. Saint-Petersburg: Meditsinskaia tipografiia, part 1 (1805): 230.